

О языке Особенной части современного уголовного закона

Д.В. Голенко

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
Московское шоссе, 34, 443086, Самара, Россия. E-mail: golenko.diana@bk.ru*

Статья посвящена исследованию языка Особенной части УК РФ как компонента законодательной техники. В ней обозначены некоторые дискуссионные вопросы использования языка при построении диспозиций статей Особенной части УК РФ. Автор обращает внимание на наличие в некоторых случаях терминологической неопределенности в современном уголовном законе. Законодатель использует термины, содержание которых не всегда единообразно понимается на практике, что влечет за собой различные уголовно-правовые последствия для лиц, совершивших преступления. Например, одни и те же действия лица могут рассматриваться в одних случаях как оконченное преступление, в других – покушение на преступление. Анализируется практика применения ст. 126, ст. 138.1 УК РФ, обозначаются пути возможного устранения возникающих противоречий в практике применения закона. Обращено внимание на наличие различных терминов, используемых для обозначения одних и тех же понятий, а также на обратную ситуацию – когда один термин обозначает различное. В качестве примера приведены составы преступлений с административной преюдицией. Важным является стремление к унификации терминов, обозначающих одно и то же, исключению ситуаций, когда один и тот же термин в законе имеет различное значение. Исследуется вопрос излишнего определения терминов в Особенной части УК РФ, содержание которых ясно для правоприменителя. Также обозначено излишнее дублирование определения терминов, содержание которых определено в отраслевом законодательстве. Такие определения увеличивают объем законодательства, но не имеют практического смысла. Язык Особенной части уголовного закона должен быть понятным. Термины, которыми пользуется законодатель, должны быть четкими и иметь устоявшееся единое понимание. Краткость и объемность статей Особенной части уголовного закона не должны наносить ущерб их точности и ясности.

Ключевые слова: законодательная техника, уголовный закон, Особенная часть уголовного кодекса, язык уголовного закона.

On the Language of the Special Part of the Modern Criminal Law

D.V. Golenko

*Samara National Research University
34 Moskovskoye shosse, 443086, Samara, Russia. E-mail: golenko.diana@bk.ru*

The article concentrates on the study of the language of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation as a component of legislative technique. It outlines some debatable issues of using the language when constructing dispositions of the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The author draws attention to some terminological ambiguity in modern criminal law. The legislator uses terms, the content of which is not always uniformly rendered in practice, which entails various penal consequences for the perpetrators of crimes. For example, the same actions of a person can be considered in some cases as a completed crime, in others as an attempted crime. The practice of applying Art. 126 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the ways of possible elimination of emerging contradictions in the practice of applying the law are indicated. Attention is drawn to the presence of different terms used to refer to the same concepts, as well as the opposite situation - when one term means different things. Corpus delicti with administrative prejudice is given as an example. It is important to strive for the unification of terms that mean the same thing, to exclude situations where the same term in law has a different meaning. The article investigates the issue of excessive definition of terms in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation the content of which is clear to the law enforcer. Also, redundancy in the definition of terms the content of which is specified in the sectoral legislation is indicated. Such definitions increase the scope of legislation, but have no practical meaning. The

author comes to the conclusion that the language of the Special Part of the Criminal Law should be understandable. The terms used by the legislator must be clear and have a well-established common understanding. The brevity and length of the articles of the Special Part of the Criminal Law should not damage their accuracy and clarity.

Key words: legislative technique, criminal law, special part of the criminal code, language of the criminal law.

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) регулярно обновляется. Например, на 1 апреля 2022 года 4 федеральными законами она дополнена тремя новыми статьями, две статьи представлены в новой редакции, более десяти статей изменены в части. При создании новых статей и совершенствовании имеющихся законодатель прибегает к различным приемам, средствам и правилам законодательной техники. Важным условием эффективного преобразования Особенной части УК РФ является умелое использование разработанной теорией и проверенной практикой богатого инструментария законодательной техники. Язык уголовного закона является компонентом законодательной техники. Оценка его состояния является актуальной и важной задачей для современной теории и практики. Уголовный закон представляет собой самый суровый закон, и его неверное понимание или применение может существенным образом повлиять на жизнь конкретного человека. Ошибки в текстуальном выражении мысли законодателя могут привести к различным последствиям. В одних случаях это может быть существенное необоснованное ограничение прав человека в результате неправильного понимания закона. В других – наоборот, невозможность добиться защиты нарушенного права и (или) свободы, так как статья, которая «задумывалась» законодателем для решения существующих проблем, на деле оказывается «мертвой», поскольку трудно понять ее содержание, или она противоречит уже имеющимся. Согласно официально опубликованной судебной статистике, за период с 2019 по 1-е полугодие 2021 года около 20-25 % новых статей на практике не применяются [Голенко 2021: 27-28]. Одной из возможных причин неприменения законодательных новелл является наличие случаев сложного текстуального выражения мысли законодателя, затрудняющее ее понимание правоприменителем. Несмотря на имеющиеся научные работы по языку закона, активная законотворческая деятельность создает условия для постановки новых задач в науке, предоставляет объемный практический материал для изучения и анализа. Теоретическая значимость исследования состоит в углублении знаний о языке Особенной части уголовного закона с учетом его современного состояния. Практическая значимость – возможный учет при построении уголовного закона и его применении теоретических выводов, осуществленных на основе анализа современной Особенной части УК РФ.

Используемые в уголовном законе понятия и формулировки должны быть ясными, четкими и понятными, а термины – определенными. Анализируя современную Особенную часть УК РФ, обозначим ряд дискуссионных вопросов, касающихся ее языка.

Одной из проблем является терминологическая неопределенность. Как справедливо отмечает Д.А. Керимов, специальные термины должны использоваться тогда, когда они адекватно отражают понятие и являются устоявшимися [Керимов 2021: 63]. Например, лаконичная ст. 126 УК РФ на практике вызвала дискуссии. Законодатель не определил содержание понятия похищения человека, возможно, предполагая, что его содержание ясно. Однако в решениях Верховного Суда РФ до 2019 года встречаются различные позиции понимания похищения человека [Голенко 2021: 53-54]. В одних случаях суды рассматривали похищение человека как захват, перемещение и последующее удержание, в других – только захват и перемещение с целью удержания. В результате одни и те же действия (захват и перемещение) в одних случаях квалифицированы судами как оконченное преступление, в других – как неоконченное преступление. От такого различного понимания закона для лиц, совершивших преступления, наступали различные уголовно-правовые последствия. В 2019 году Верховный Суд РФ принял постановление по делам о похищении человека, которое внесло определенную ясность. Однако позиция суда по этому вопросу – один из вариантов толкования уголовного закона. Термин, используемый законодателем, должен быть ясным и не допускать различных толкований. В настоящее время это не достигнуто на уровне законодательства. Решение видится в раскрытии в диспозиции ч. 1 ст. 126 УК РФ признаков похищения человека.

Еще одним примером служит язык статьи 138.1 УК РФ. Первоначальная редакция этой статьи не раскрывала содержания понятия «специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации». Лица привлекались к ответственности за продажу брелока со скрытой видеокамерой, очков со встроенной видеокамерой [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) 2019: 538], ручек с диктофоном и др. Резонанс вызвало уголовное дело, согласно которому фермер В. заказал на сайте многофункциональное устройство «Мини А8» для отслеживания места нахождения теленка и получил его в почтовом отделении, но воспользоваться им не успел. Уголовное дело было возбуждено по ст. 138.1 УК РФ, расследовано и передано в суд. Суд вернул дело прокурору. Спустя время следственные органы прекратили дело в связи с отсутствием состава преступления – не установили наличие умысла на негласное получение информации [Мякишева 2018]. СМИ указывали, что это дело послужило одним из поводов изменения ст. 138.1 УК РФ. В 2019 году она была дополнена примечаниями, определяющими содержание предмета преступления [Присматривать разрешается 2019]. Однако анализ судебной практики свидетельствует, что проблема применения ст. 138.1 УК РФ состояла не столько в отсутствии понимания содержания понятия «специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации», сколько в пределах действия статьи, определения круга правоотношений, к которым она применяется. В примечании 2 к ст. 138.1 УК РФ содержится перечень средств, которые не могут быть отнесены к предмету преступления по этой статье, но уголовные дела возбуждались как раз по тем предметам, которые эксперты

признавали специальными техническими средствами. Эти предметы приобретались не для нарушения конституционных прав граждан, а для бытовых нужд, обеспечения безопасности себя или членов семьи, домашних животных. Подтверждает это, например, дело К. [Приговор Одинцовского районного суда г. Москвы № 01-0025/2020]. К. приобрел два устройства «WiFi роутера самегга» для использования его в качестве «радионяни». Видеорегистратор был замаскирован под лампу, имеющую аудио- и видеозапись. К. вкручивал в осветительные приборы эти устройства и смотрел за ребенком. В связи с тем, что данный прибор постоянно мигал, был очень шумным, кричал на иностранном языке при подключении, К. принял решение их продать. Экспертиза подтвердила, что эти устройства относятся к специальным техническим средствам, предназначенным для негласного получения информации. Суд оправдал К., указав, что он не был осведомлен о том, что эти устройства относятся к предмету преступления ст. 138.1 УК РФ, и не имел намерения продать их в качестве средства, с помощью которого возможно осуществить посягательства на конституционные права граждан. В этом деле, как и в деле фермера В., речь идет об отсутствии умысла на негласное получение информации. Однако в ст. 138.1 УК РФ законодатель не предусматривает цель в качестве обязательного признака состава преступления. Из той редакции статьи, в которой она представлена сейчас, посягательство на конституционные права и свободы человека и гражданина (объект главы 18 УК РФ) состоит в незаконном обороте предметов, указанных в статье, а в случае К. и В. он (оборот) осуществлен. Поэтому возникает вопрос о том, правильно ли описаны признаки состава преступления в диспозиции ст. 138.1 УК РФ. Цель совершения указанного деяния сформулирована в правоприменительной практике, но не законодателем. Такое толкование закона не в полной мере вытекает из содержания ст. 138.1 УК РФ и примечаний к ней. Выходом из сложившейся ситуации является уточнение содержания статьи 138.1 УК РФ.

Еще одной проблемой языка Особенной части УК РФ является раскрытие содержания терминов, которые ясны. Законодатель увеличивает объем закона без какой-либо практической цели. Так, термин «незаконный» широко используется в Особенной части УК РФ (ст. 215.4, 234, 235.1, 258, 260, 283.1, 289, ч. 3 ст. 290, ст. 292.1 и др.). Незаконный – то есть противоречащий действующему законодательству. У этого термина нет каких-либо иных смыслов. Законодатель его использует более чем в десяти статьях Особенной части УК РФ. Однако его содержание раскрывает для одной ст. 215.1 УК РФ. Там указано, что незаконное – это «совершенное в нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка». Это примечание распространяет свое действие только на одну статью, однако данное определение теоретически можно применить к любой статье, в которой используется термин «незаконный». Таким образом, раскрытие термина, значение которого ясно, применение которого не вызывает сложности у правоприменителя и который используется в нескольких статьях, в примечании к одной статье является излишним.

Также излишним является дублирование содержания термина, который уже раскрыт в отраслевом законодательстве. Например, ст. 222 УК РФ в первоначальной редакции не имела примечаний, в которых раскрывалось содержание понятия огнестрельного оружия. В настоящее время введен п. 2 примечания к ст. 222 УК РФ, который полностью повторяет определение огнестрельного оружия из ст. 1 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «Об оружии». Диспозиция статьи 222 УК РФ бланкетная. В отраслевом законодательстве раскрыто содержание термина «огнестрельное оружие», повторение его в уголовном законе является излишним. В этом случае увеличение объема Особенной части УК РФ не имеет практического значения.

Еще одна сложность в понимании языка Особенной части УК РФ и применении уголовного закона заключается в использовании законодателем различных терминов для обозначения одного и того же, либо использование одного термина для обозначения различных понятий [Иванчин 2020: 245].

В первом случае речь идет, например, о ситуациях, когда законодатель использует такие близкие термины, как «фальсификация» (ст. 172.1 УК РФ), «подделка документов» (ст. 327 УК РФ), «искажение сведений» (ст. 170 УК РФ) для обозначения близких по своему содержанию действий. Законодатель должен стремиться к унификации терминов, а не их многообразию. Это создает предпосылки для различного понимания уголовного закона, что может сказаться и на различном определении момента окончания преступного деяния. Различное понимание момента окончания может привести к ситуации, которая сложилась на практике при применении ст. 126 УК РФ, когда одни и те же действия одними судами квалифицировались как оконченное преступление, а другими – как неоконченное.

Во втором случае речь идет, например, о ситуации, когда законодатель использует один термин для обозначения различного. Например, такая ситуация сложилась с термином «неоднократность» и производными от него. В ст. 180 УК РФ законодатель не раскрыл содержания того, что понимается под неоднократным совершением деяния. Этого и не требовалось, поскольку значение термина (неоднократность) было понятно – совершение указанного деяния два и более раз. Верховный Суд РФ в одном из постановлений 2007 года подтвердил это, указав, что неоднократность подразумевает использование средств индивидуализации два и более раз. Но позднее законодатель ввел в Особенную часть УК РФ термин «неоднократность» в ином значении. Например, в п. 1 примечаний к ст. 157 УК РФ указано, что «неоднократно» подразумевает совершение деяния лицом, «подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда оно считается подвергнутому административному наказанию». В этом случае речь идет уже об иной неоднократности, не той, что подразумевается в ст. 180 УК РФ. Насколько преступление может быть аналогично административному правонарушению – конечно, вопрос дискуссионный, но, тем не менее, речь идет о совершении более двух раз административного правонарушения специальным субъектом. Но и в этом законодатель непоследователен. Например, в ст. 116.1 УК РФ речь идет также о совершении лицом административного правонарушения два и более раз, формулировка используется та же, но термин «неоднократность» уже не употребляется в статье, в отличие от ст. 157 УК РФ. Такая непоследовательность в

использовании одного и того же термина или в его неиспользовании в одних и тех же ситуациях (116.1 и 157 УК РФ) усложняет текст уголовного закона, делает его нелогичным и противоречивым. Законодатель должен придерживаться единообразного понимания термина «неоднократность». Возможно, более удачным было бы сохранение его первоначального значения, использованного в ст. 180 УК РФ. Также видится важным использование единых языковых конструкций при построении составов с административной преюдицией (ст. 116.1, 157 УК РФ и др.).

Еще одним дискуссионным вопросом является использование таких оборотов, которые не несут какого-либо самостоятельного смысла и не уточняют смысла всей статьи. Например, в ст. 158.1 УК РФ указано – воспрепятствование «в какой бы то ни было форме». Этот оборот не уточняет содержания термина «воспрепятствование», более того, он не определяет и не уточняет способа совершения преступления. Любой способ в этом случае считается преступным. Возникает множество вопросов: об обоснованности такого рода криминализации, о дифференциации ответственности и др. Признаки состава преступления должны быть четко и ясно обозначены законодателем.

Помимо вопросов терминологии важным является построение статьи. Она должна быть логична, лаконична и понятна. Недостаток видится как в необоснованной краткости, так и в объемности диспозиций статей Особенной части УК РФ. Например, диспозиция ч. 1 ст. 144.1 УК РФ состоит из 249 слов, а диспозиция ч. 1 ст. 126 УК РФ – из 2. Как показывает практика, обе статьи не являются ясными для правоприменителя. Другой пример неудачного построения текста – п.1 примечания к ст. 157 УК РФ. Его смысл понять сложно, поскольку законодатель дважды полностью повторяет в нем диспозицию части 1 этой же статьи. Альтернативный пример краткости – ст. 264.2 УК РФ, где законодатель не называет признаки состава преступления словами, а делает отсылки к статьям КоАП РФ. Простота изложения закона не должна наносить вред его полноте и точности [Керимов 2021: 65]. Все это усложняет процесс понимания и применения уголовного закона.

В работе изложены некоторые дискуссионные вопросы языка Особенной части УК РФ. Приведенные примеры подтверждают, что язык должен быть прост и понятен. Точность понятий и формулировок, определенность используемых терминов, лаконичность и логичность уголовного закона создают условия для одинакового его понимания и толкования, единообразного применения, а это является определенной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Литература

Голенко Д.В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / Юридический вестник Самарского университета. - 2021. - Т. 7, № 4. - С. 26–29. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-26-29>

Голенко Д.В. Проблемы применения простой диспозиции статьи особенной части уголовного закона (на примере ч. 1 ст. 126 УК РФ) / Юридический аналитический журнал. 1- 2021. - № 6 (1). - С. 49–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2021-16-1-49-58>.

Иванчин А.В. Конструирование преступления: теория и практика. М., 2020.

Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 2021.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2019.

Мякишева Ю. Закрыли дело против курганского фермера, купившего GPS-трекер / Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/03/21/reg-urfo/delo-protiv-fermera-kupivshego-gps-treker.html>

Приговор Одинцовского районного суда г. Москвы по делу № 01-0025/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru>

Присматривать разрешается / Российская газета. Столичный выпуск - № 172 (7930). URL: <https://rg.ru/2019/08/06/zakon-stal-menee-strog-k-vladelcam-tak-nazyvaemyh-shpionskih-gadzhetrov.html>

References

Criminal code of the Russian Federation. Commentary with guide for juridical practice. (2019). Edited by Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev. Moscow (in Russian).

Golenko, D. V. (2021). Development trends of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. Juridical Journal of Samara University, 7, 4, 26–29. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-26-29> (in Russian).

Golenko, D. V. (2021) Simple disposition of an article in a Special part of the criminal law (on the example of kidnapping). Juridical Analytical Journal, 16(1), 49–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2021-16-1-49-58> (in Russian).

It is allowed to look after. Rossiyskaya gazeta (2019). Stolichny issue. No. 172 (7930). URL: <https://rg.ru/2019/08/06/zakon-stal-menee-strog-k-vladelcam-tak-nazyvaemyh-shpionskih-gadzhetrov.html> (in Russian).

Ivanchin, A.V. (2020). Construction of a crime: theory and practice: a monograph. Moscow (in Russian).

Kerimov, D.A. (2021). Legislative technique: scientific-methodical and educational manual. Moscow (in Russian).

Myakisheva, Y. (2018). The case against a Kurgan farmer who bought a GPS tracker was closed. Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2018/03/21/reg-urfo/delo-protiv-fermera-kupivshego-gps-treker.html> (in Russian).

Sentence of the Odintsovsky District Court of Moscow (2020). The case No. 01-0025/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru> (in Russian).

Citation:

Голенко Д.В. О языке Особенной части современного уголовного закона // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 5-9.

Golenko D.V. (2022). On the Language of the Special Part of the Modern Criminal Law. Legal Linguistics, 25, 5-9.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---